

И. Ю. Понкратова

КАМЕННЫЙ ВЕК КАМЧАТКИ: ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

В результате анализа истории археологических исследований на Камчатке установлены периоды изучения каменного века полуострова: 1. В 1850–1950-е гг. происходило накопление, осмысление и обобщение материалов; считалось, что полуостров был заселён в эпоху неолита; 2. В 1961–1990-е гг. применялись естественнонаучные методы для датирования археологических находок и формировались первые периодизации каменного века Камчатки. 3. В первой четверти XXI в. с учётом современных технологий корректируются полученные на втором этапе схемы периодизаций каменного века Камчатки. В числе перспективных направлений исследований в регионе: реконструкция природных явлений; установление взаимосвязей и характера взаимодействия событий в природе и обществе в процессе освоения полуострова человеком в каменном веке.

Ключевые слова: полуостров Камчатка, археологические исследования, каменный век, финальный палеолит, мезолит, неолит, Диков Н. Н., Дикова Т. М., Кирьяк (Дикова) М. А., Пономаренко А. К.

I. Y. Ponkratova

THE STONE AGE OF KAMCHATKA: A HISTORY OF RESEARCH

As a result of the analysis of the history of archaeological research in Kamchatka, periods of study of the Stone Age of the peninsula have been established: 1. In the 1850–1950's an accumulation, comprehension and generalization of materials there were and it was believed that the peninsula was inhabited in the Neolithic era; 2. In the 1961–1990's, natural science methods were used to date archaeological finds and the first periodizations of the Stone Age of Kamchatka were formed. 3. In the first quarter of the XXI century, taking into account modern technologies, the schemes of periodization of the Stone Age of Kamchatka obtained at the second stage are adjusted. Among the promising areas of research in the region are the reconstruction of natural phenomena, the establishment of interrelations and the nature of the interaction of events in nature and society in the process of human development of the peninsula in the Stone Age.

Keywords: Kamchatka Peninsula, archaeological research, Stone Age, Final Paleolithic, Mesolithic, Neolithic, Dikova N. N., Dikova T. M., Kiryak (Dikova) M. A., Ponomarenko A. K.

Археологическое изучение Камчатки началось чуть более чем через сто лет после работ Второй Камчатской экспедиции, с которой связаны фундаментальные этнографические исследования в России. И к настоящему времени открыто около 900 археологических памятников, из которых в разной степени изученности – не более 100 [28; 29].

Первые раскопки на полуострове проведены в 1851–1855 гг. геологом К. Дитмаром, обнаружившим на восточном берегу Южной Камчатки многочисленные остатки древних жилищ с керамическими сосудами, каменными орудиями, фрагментами костей животных. Он проанализировал принесённые местным жителем каменные орудия из Старого Острога (Елизово) и сравнил их с ещё используемыми в то время корякскими инструментами [11].

Врачом Н. В. Слюниным (Охотско-Камчатская горная экспедиция 1895–1898 гг.) были отмечены «в Щеках и на устье р. Камчатки, а также на острове среди Харчинского озера <...> остатки юртовиков с кухонными отбросами и орудиями каменного и костяного периода» [41, с. 396].

В начале XX в. этнограф В. И. Иохельсон исследовал территории бухт Авачинской и Тарья, с. Налычево, в устье р. Озерной, на северо-западном побережье – в районе устья р. Ковран. В течение 1910–1911 гг. на юге Камчатки раскопал «35 древних жилищ разных типов» [13]. Исследователь систематизировал типы раскопанных им жилищ и культур, оставив открытым вопрос об их возрасте. Он отметил их сходство с корякскими и ительменскими; провёл этнографические параллели [6]. Артефакты из раскопок В. И. Иохельсона (645 экз.) хранятся в Государственном историческом музее (ГИМ). В 2002 г. коллекция частично введена в научный оборот К. А. Днепровским и А. Е. Кравцовым: сделано заключение о не одновременном комплексе находок, в состав которых входят русская двухкопеечная монета 1856 г., каменные орудия, изделия из кости и рога [12, с. 135, 138].

Первая специальная археологическая разведка на Камчатке была проведена в 1910 г. этнографом К. Д. Логвиновским, исследовавшим территорию от залива Корфа на севере до Ава-

чинской губы на юге [6]. Были найдены остатки древних поселений по р. Камчатке в пос. Ключи и Усть-Камчатске. Раскопки проводились на о. Карагинском и возле сел Малки и Ганалы. Он «везде собрал коллекции древних вещей», которые были переданы в Государственный Эрмитаж. Хранящиеся в Российском этнографическом музее (РЭМ) коллекции К. П. Логинковского введены в научный оборот В. В. Антроповой, и интерпретированы как предметы «очень позднего происхождения» [1].

В 1910 г. рыбопромышленник Г. А. Крамаренко вместе с сыном Гавриилом (Гагой) обнаружил стойбище «настоящих камчадалов» у селения Камаки: были найдены «каменные чаши-лампы, каменные топоры и разное каменное орудие» [15, с. 64]. Артефакты коллекции – тесла, топоры, сланцевый нож и отщепы датированы «поздним временем» и хранятся в Музее антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (МАЭ) [6, с. 13].

В 1911 г. на Камчатке был образован Научно-промышленный музей (сегодня – КГБУ «Камчатский краевой объединённый музей»), куда собирались первые материалы, связанные с флорой и фауной Камчатки, археологические находки. В 1918 г. экспонаты музея были переданы Петропавловскому высшему начальному училищу, где преподаватель П. Т. Новограбленов сохранил их [3, с. 25].

В 1920–1922 гг. Шведской ботанической экспедицией под руководством С. Бергмана проводились раскопки в Авачинской бухте, на п-ове Тарья, на восточном берегу Камчатки в бухте Лиственничной в 200 км от мыса Лопатки [2]. Была собрана коллекция фрагментов керамических сосудов типа «нейдзи», ножей из сланца и обсидиана, скребка, топоров-тесел, жирника. Коллекция опубликована И. Шнеллом, который их классифицировал, датировал неолитом, сравнил с находками Курильских и Алеутских островов. Коллекции хранятся в Музее Восточных древностей в г. Стокгольме [48, р. 49–65].

П. Т. Новограбленов – один из первых ительменских краеведов; стоял у истоков «Кружка по изучению Камчатки», организованного в 1925 г. при партийно-профессиональном клубе и преобразованного в 1926 г. в Камчатское краеведческое общество [3, с. 26]. В 1918–1933 гг. он путешествовал по Камчатке, собирая экспонаты для музея. В 1927 г. совершил экскурсию в бухту Тарья около Петропавловска-Камчатского «для осмотра древних стойбищ ительменов», где собрал коллекцию поздненеолитических каменных из-

делий. Материалы исследований и наблюдений он публиковал в изданиях Географического общества и местной газете «Полярная звезда» [24].

В 1924, 1928, 1932–1933 гг. японцы Э. Накаяма и Я. Сигекура раскопали ряд жилищ в районе п. Усть-Камчатск. Эйдзи Накаяма – антрополог, работал врачом в компании «Ничиро Гио Гио Кабусики Кай-ся», у которой были концессионные рыболовные участки и консервные заводы на побережье Камчатки. Э. Накаяма нанёс на карту 2 стоянки возле Нижне-Камчатска и 7 на берегу оз. Нерпичье. В районе современного пос. Крутоберегово было отмечено 60 жилищных западин, 20 из которых раскопано. Всего в Усть-Камчатском районе японцами было исследовано 10 археологических объектов. Также на западном побережье полуострова Э. Накаяма провёл раскопки и собрал археологические коллекции в Палане, Иче, Сопочном, Опале, Озерной. Коллекции были вывезены в Японию, результаты работ введены в научный оборот [6; 45 и др.].

В 1926 г. этнографом Е. П. Орловой на берегу р. Хайрюзовой были обнаружены каменные изделия, интерпретированные как «предметы хозяйственного назначения ительменов»: скребки из «плотного серого песчаника», чёрного сланца, обсидиана, проколки из обсидиана, нож из обсидиана «дымчатого цвета с лиловатым оттенком», топоры-тесла. В Петропавловске-Камчатском у Мишенной сопки найдены каменный жирник, фрагменты керамики с внутренними ушками, роговые крючки для подвешивания котлов над огнём, каменные песты, костяные и роговые ложки, разнообразные по форме костяные и каменные наконечники. В средней и южной Камчатке найдены каменные грузила к рыболовным сетям. Большая часть каменных наконечников – из подъёмных сборов. Сопоставив комплекс находок с археологическими материалами Восточной Сибири (Прибайкалье), Японских и Курильских островов, Е. П. Орлова датировала его неолитом. По её предположению, ительмены – речные рыболовы и собиратели, которые «никогда не были морскими зверобоями» [26].

В 1928 г. в музей г. Петропавловска-Камчатского поступили: «лампа-жирник от С. Д. Корниенко с Ушковского озера, наконечники стрел и копий от т. Придчина из Голыгиной, орудия от Новикова и Змеева из Хайрюзова, от учителя Кианиченко из Нижне-Камчатска»; в 1929 г. было доставлено 45 орудий каменного века с мест древних жилищ на Ушковском озере, 14 предметов, собранных в Петропавловске. Испытанием

для музея стали 1930–1934 гг.: у музея не было постоянного помещения, коллекции перевозились из одного здания в другое. Заведующий П. Т. Новограбленов был арестован. Заведующим музеем назначен П. И. Смирнов, который в 1933 г. писал, что «из 586 зарегистрированных экспонатов археологии осталось не более сотни...» [3].

Д. Н. Лев – ленинградский археолог, сотрудник МАЭ АН СССР (1931–1942 гг.), опубликовал статью, посвящённую коллекции каменных изделий из бухты Тарья, собранную в 1932 г. капитаном траулера «Красноармеец» Н. А. Гурьевым. Он описал находки трёх ножевидных пластин из бухты Тарья; отметив, что коллекция, «возможно, относится к концу неолита Камчатки, и, судя по давно заброшенной и оплывшей яме землянки с фрагментами керамики, – безусловно, ко времени до заселения Камчатки русскими» [21].

В 1932 г. в с. Каменском (Пенжинский район) создан музейный пункт, первые фонды которого состояли из археологических находок, найденных на поверхности или случайно попавших на север при завозе, переданные из раскулаченных семей, собранные по сёлам и тундре. В 1935 г. центром Корякского национального округа стало с. Палана Тигильского района, куда были переведены все государственные институты и, в том числе, музейный пункт. Директор музея П. И. Смирнов в 1956 г. провёл одну из первых целенаправленных археологических разведок на севере Камчатки. Было собрано около 50 предметов с территории Напанского острога и древнего поселения в устье р. Анадырки [40].

В конце 1930-х гг. А. П. Окладников впервые обратил внимание на археологию Камчатки, считая наиболее древней культурой неолитическую – тарьинскую, которую связывал с предками ительменов [6].

К концу 1940-х гг. С. И. Руденко обобщил известные археологические данные о Камчатке и сделал вывод «о сравнительно позднем заселении человеком этого полуострова в эпоху уже развитого неолита». Наиболее древним населением Камчатки он считал ительменов [39].

На основе опубликованных к 1949 г. материалов и хранящихся в РЭМ и МАЭ археологических коллекций с Камчатки В. В. Антроповой сделано обобщение данных о хозяйственном укладе населения и о типах археологических памятников [1, с. 380–394].

В 1959–1960 гг. археологические разведки на северной части Охотского побережья Камчатской области проводил А. С. Семенов.

В устье р. Паланы им были найдены каменные наконечники, скребки и пр., датируемые эпохой неолита; на побережье Пенжинской губы – древнекорякские поселения [6]. Эти коллекции каменных орудий частично были введены в научный оборот [40].

С созданием в 1960 г. лаборатории археологии, истории, этнографии в составе академического подразделения Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института в г. Магадане начинается новая эпоха в изучении каменного века Камчатки. Руководил этой лабораторией 35 лет Н. Н. Диков. О его жизнедеятельности писали Д. Л. Бродянский, А. И. Лебединцев, М. А. Кирьяк (Дикова). Его труды анализировали историки Т. Ю. Гоголева, И. И. Романова, методисты Н. С. Цепляева, Р. П. Корсун и др. [14]. В Государственном архиве Магаданской области есть фонд, связанный с деятельностью учёного, в котором 91 дело из 405 документов – фотографий, рукописей, наград и пр. [25].

Маршрут первой экспедиции Н. Н. Дикова проходил по р. Камчатке. Исследователь отмечал, что «долина реки к началу 1961 г. представляла собой абсолютно “белое пятно” в археологическом отношении. В то же время она являлась основной жизненной артерией полуострова, где вероятнее всего можно было встретить остатки древних культур» [5, с. 76]. Первая неолитическая стоянка была найдена на южном берегу Домашнего озера в буром суглинке трёхметровой террасы на глубине 1,2 м под четырьмя слоями пепла вулкана Шивелуч [6, с. 86–89]. Вторая – на правом берегу р. Камчатки в с. Доярки. Подъёмный материал был собран на бичевнике по обе стороны впадающего в этом месте в р. Камчатку ручья. Сама стоянка располагалась на правой стороне ручья на 2,5-метровой террасе [5, с. 93]. В 1962 г. археологическая разведка была проведена по р. Пенжине – обнаружены «становища древних охотников на дикого оленя», «мощные культурные напластования позднего неолитического времени» [5, с. 96–98].

Всего Н. Н. Диковым на Камчатке было открыто и исследовано около 67 объектов, важнейшими опорными и ключевыми для выделения археологических культур на Камчатке, Чукотке, Верхней Колыме стали стоянки у Большого Ушковского озера [6; 7], которые вошли в историю северо-востока России как опорные для периодизации каменного века, и сегодня остаются на Камчатке наиболее исследованными [28; 29 и др.]. За годы исследования был получен комплекс археологических, геологичес-

ких, палеогеографических, палеоэкологических данных, которые позволили воссоздать особенности жизни населения Камчатки с начала его заселения и до этнографического времени. Н. Н. Диков выделил в позднем палеолите ушковских стоянок три культуры, различающиеся как стратиграфически, так и по морфологии основных элементов орудийного набора. Для изучения памятников использовались доступные на период исследования методы с привлечением специалистов по геоморфологии, палинологии, особый акцент делался на изучении пеплов в археологических разрезах. На материалах стоянок Ушки впервые получены доказательства того, что Камчатка была заселена в конце плейстоцена около 14 тысяч лет назад. В связи с преждевременным уходом учёного из жизни остались дискуссионными вопросы, связанные с датировками и критериями периодов заселения территории, миграциями на американский континент.

Большой вклад в изучение археологии Камчатки внесла Т. М. Дикова. В течение пяти лет (1962, 1964, 1971, 1976, 1980) она вместе с Н. Н. Диковым исследовала ушковские стоянки; в 1972–1979-х гг. обследовала труднодоступные районы на юге Камчатки (м. Лопатка, Явино, Налычево, Курильское озеро) [8, 19]. В научный оборот были введены материалы о 29 археологических объектах (стоянки, поселения, местонахождения) [10]. Наиболее древние следы, датируемые финальным палеолитом и близкие VI культурному слою ушковских стоянок, были отмечены в материалах с галечной технологией стоянки м. Лопатки (Лопатка IV) [10, с. 166]. Были выделены этапы неолита Камчатки: ранний, средний и поздний. По сходству основных показателей в целом археологическая культура была названа тарьинской; хронологические рамки определены как V тысячелетие до н. э. – середина XVII века н. э.; по этнографическим сопоставлениям в основе – древняя ительменская. Был сделан вывод о том, что айны не обитали постоянно на юге Камчатки, но имели определённое влияние на культуру аборигенов Камчатки, проявившееся в наличии керамики типа нейдзи, монет, появлении морского зверобойного промысла [10, с. 167–168].

В 1969–1970 гг. в Карагинском районе на северо-восточном побережье Камчатки краевед В. Н. Малюкович проводил геоморфологические исследования и обнаружил 24 древние стоянки. Он собрал подъёмный материал, среди которого были каменные наконечники

стрел, скребки разных типов, фрагменты круглодонных сосудов, отщепы, изделия из кости – наконечники стрел и острог [22 и др.].

На западе Камчатки в 1970-х гг. археологическая разведка проводилась учителем В. И. Рубаном. Исследовались стоянки в устьях рек Ковран, Тигиль, Палана и др. [38 и др.]. В результате корреляции с памятниками долины р. Камчатки стоянки были интерпретированы как верхнепалеолитическая (Кисун I), ранненеолитические (Кульки II на р. Тигиль, Палана-аэропорт, культурный слой стоянки Яры), развитого неолита (Андреевский I (устье р. Тигиль), Саичик V, Соболево-Аэропорт) [38, с. 51–55]. Там же – в устье р. Ковран в 1987 г. была проведена разведка А. К. Пономаренко, а в 1997–1998 гг. – Н. А. Кренке, который продолжил исследование памятников, и на основании радиоуглеродного датирования сделал вывод о заселении долины в нижнем течении р. Ковран только в последние 2000 лет. В связи с тем, что здесь ранее В. И. Иохельсоном были обнаружены призматические нуклеусы, свидетельствующие о наличии более древних стоянок, по мнению исследователя, вопрос о времени первоначального заселения исследуемой территории не решён [16].

Более 800 археологических памятников на Камчатке было открыто директором Камчатского областного краеведческого музея (КОКМ) (1982–2000-е гг.) А. К. Пономаренко. Маршруты его разведок в 1970–2000-е гг. проходили на восточном побережье Камчатки от п-ова Лопатки до бухты Оссора, в долинах рек Западной Камчатки от р. Паланы до р. Ичи на юго-западе Камчатки, в нижнем течении р. Камчатки от посёлка Ключи до её устья, севернее долины р. Тигиль, на острове Беринга. На археологическую карту Камчатки были нанесены городища (более 100), стоянки (около 450), мастерские (2), местонахождения (около 13). Часть памятников была исследована раскопками [32, 34, 35 и др.]. Для определения геоморфологии и применения тефрохронологического метода для датирования исследуемых стоянок, изучения керамики, А. К. Пономаренко привлекал специалистов.

В 1980-е г. в Елизовском районе археологические работы проводил директор Елизовского государственного музея политической географии, а затем научный сотрудник этого музея – В. С. Шевцов [42 и др.]. По его мнению, с учётом нижнего слоя стоянки Старый Острог, расположенного в современной черте г. Елизово, заселение древним человеком этой территории произошло около 4 тысяч лет назад. На морском песчаном берегу была найдена фигурка медведя

из обсидиана высотой 4,5 см, названная им «Хозяйка Тарьи» [42, с. 71].

С 1987 г. исследования на Камчатке проводит преподаватель КамГУ А. В. Пташинский. Под его руководством, в порядке выполнения задания Камчатского областного краеведческого музея, в 1987–1991 гг. на побережье Пенжинской губы и северо-западном побережье Камчатки в процессе сплошной археологической разведки была обследована линия берега, протяжённостью более 900 км, и проведены раскопки на стоянке Галган I. На основании исследований выделена группа стоянок типа Теви («культура Теви») – культура охотников на морского зверя северо-восточного побережья Охотского моря (I–II тысячелетие н. э.) [36]. Полученные им выводы считаются дискуссионными [33].

В 2000 г. в рамках совместной российско-американской программы было предпринято исследование стоянки Ушки V для определения геологических и стратиграфических условий палеолитических слоёв, установления их возраста и обнаружения каменных коллекций путём контрольных раскопок. В результате работы российско-американской экспедиции в 2000 г. с участием автора получена новая информация о стоянках Ушки [9; 42 и др.], которая, однако, не сняла ряд дискуссионных проблем, связанных с датировкой и геоморфологией памятников. В последующие годы М. А. Диковой (Кириак) были обобщены и систематизированы данные по ушковским стоянкам [9], представлена лунно-солнечная календарная система ушковской культуры [20] и пр.

В начале XXI в. одним из направлений исследований А. Пташинского становится поиск верхнепалеолитических, «финальнопалеолитических» местонахождений [37 и др.]. Анализ опубликованных материалов, их корреляция с ушковскими стоянками свидетельствует, что, возможно, только после непосредственных консультаций исследователя со специалистами по тефрохронологии, геоморфологии, археологии, представления обоснованной стратиграфии находок, материалы этих местонахождений могут быть использованы для последующих интерпретаций событий в древности на Камчатке.

В 2009 г. сотрудником научного отдела Кроноцкого заповедника А. П. Никаноровым составлен предварительный список археологических и этнокультурных памятников на территории Кроноцкого заповедника и Южно-Камчатского заказника, в котором впервые были обобщены сведения об археологических

памятниках на этой территории: детально проанализированы данные об археологических и этнокультурных памятниках, начиная с описаний С. П. Крашенинникова и Г. В. Стеллера, до полевых отчётов исследователей XX в. Не проводя специальных исследований, автор зарегистрировал «ранее неизвестные места расположения древних жилищ». В список включены объекты, выявленные автором и сотрудниками заповедника – неолитические стоянки разного возраста, не обследованные специалистами [23]. Несомненно, представленные А. П. Никаноровым данные полезны для будущих археологических изысканий на Камчатке.

В 2009 г. Берингская экспедиция Института наследия проводила историко-культурную экспертизу в Соболевском, Большерецком и Елизовском районах: выявлено 10 поселений и стоянок. Обследованы ранее известные поселения Начики V, IV. Для ряда стоянок получены радиоуглеродные даты по углю [4].

На основе предыдущих полевых исследований А. К. Пономаренко была разработана периодизация неолита Камчатки [34; 35]. Исследователь разделит неолит Камчатки на ранний – «ушковско-авачинская культура бродячих охотников», и развитый – «тарьинская культура оседлых рыболовов». В свою очередь в развитом неолите были выделены развитый – тарьинский, поздний – кроноцкий, и пережиточный – налычево-никульский этапы. На Северо-Восточной Камчатке выделена новая археологическая культура «пережиточного неолита» – ивашкинская, и обозначены её этапы, памятники и критерии [там же]. Результаты археологических исследований обобщены в многочисленных статьях и монографиях.

С 2004 г. археологические исследования на Камчатке проводит археологическая экспедиция Северо-Восточного государственного университета (СВГУ) под руководством автора. В 2005 г. организована Международная научная конференция, посвящённая 80-летию Н. Н. Дикова, с обсуждением стратиграфии ушковских стоянок [31]. После неё М. А. Диковой было принято решение передать стоянки Ушки для продолжения их исследования автору [27]. Стоянки у большого Ушковского озера стали базой для проведения выездной археологической практики студентов СВГУ, в процессе которой студенты приобретали навыки ведения полевых работ.

Изучение хронометрии стоянки Ушки V позволили выявить четыре этапа её заселения.

С учётом данных, полученных Н. Н. Диковым, автором предложена новая хронологическая схема периодизации каменного века Камчатки в конце плейстоцена – голоцене, которая включает: переходный от палеолита к неолиту период (финальный палеолит (~13,3–12,5 тыс. л. н.; 12,0–10,1 тыс. л. н.)), мезолит (~9,9–8,6 тыс. л. н.), неолит: ранний (~7,8–4,5 тыс. л. н.), средний (~4–1,5 тыс. л. н.), поздний (I – начало II тыс. н. э.). Для каждого периода определены общие и особенные признаки, а также соотношение между ними, и с хронологически, и территориально близкими археологическими культурами и памятниками. При участии в исследованиях на стоянках Ушки в 2007–2010 гг. вулканологов М. М. Певзнер, В. В. Пономаревой, И. В. Мелекесцева была составлена сводная тефростратиграфия стоянки Ушки V [30].

В 2009–2011 гг. под руководством автора на северо-восточном побережье Камчатки в рамках «Международного совместного северного археологического проекта (ISSCAP): российско-американские исследования на Камчатке» проводились разведки для поиска археологических стоянок и поселений возрастом от 6 до 4 тыс. л. н. [29; 44; 46; 47]. Это период, когда древнее население адаптировалось к происходившим изменениям природной среды в связи с активизировавшейся вулканической деятельностью на полуострове. Цель исследования – реконструкция исторических процессов, имевших место в голоцене на северо-восточной Камчатке. На озерах Нерпичье и Култук, в устье р. Столбовой в 2009–2011 гг., на оз. Храпунском были обследованы стоянки Извилистая, Култук, Крутоберегово (г. 118/08), Нерпичье, Столбовая 1–15, Храпуновское I и др. [44]. Изучалась территория общей протяжённостью около 160 км. В районе пос. Крутоберегово (Восточная Камчатка) проводился палинологический анализ торфов, который позволил определить виды растений и их изменение во времени от позднего плейстоцена до современности. Образцы угля и растений с исследованных объектов были датированы в Лаборатории NOSAMS (Вудс Хол, Институт Океанографии, штат Массачусетс, США) [46]. Исследование показало, что первоначальное заселение прибрежной озёрной зоны произошло не в позднелиническое время, а значительно раньше – около 5–6 тыс. л. н. Данные стратиграфии и углеродного анализа позволили предположить, что и в последующее время заселение этих стоянок происходило неоднократно. Был сделан вывод, что особое влияние на экосистему Камчатки

в голоцене оказали два крупнейших извержения и пеплопада вулканов Ксудач (1 750 л. н.) и Шивелуч (4 700 л. н.). Пеплы этих извержений хорошо изучены и являются надёжными маркерами при предварительном датировании. Благодаря им была установлена зависимость размещения населения при изменении ландшафтов, связанных с вулканической активностью в голоцене [46; 47]. Исследования позволили не только открыть новые стоянки, но, благодаря известным данным о тефрохронологии Усть-Камчатского района, датировать их уже на предварительном этапе и наметить потенциальные места поисков.

В 2007 г. экспедицией СВГУ был проведен международный полевой семинар, на котором обсуждались вопросы методики изучения ушковских стоянок, геологии Камчатки, проблемы археологии сопредельных территорий. Результатом визита ученых на ушковские стоянки стала публикация Н. А. Кренке и др. [17].

Проводимые исследования в районе п. Ключи позволили определить период обитания на стоянках Ключи-1 и Ключи-2 временем около 5–3 тыс. радиоуглеродных лет назад, на стоянке Накша – 700–300 л. н. и предположить, что перерывы в заселении человеком долины р. Камчатки в районе Ключевской группы вулканов, возможно, связаны с экстремальными природными явлениями [18].

В целом в изучении каменного века Камчатки можно выделить периоды:

1. Археологические изыскания в 1850–1950-е гг.: происходило накопление археологических материалов; предпринимались попытки их осмысления. Собранные к середине XX в. материалы частично были опубликованы и обобщены. Выявлены основные типы памятников. Высказана идея о том, что полуостров был заселён в эпоху неолита, наиболее древним населением считались предки ительменов. Вопросы, связанные с ранней историей и этногенезом ительменов, как и всей группы палеоазиатских народностей, ещё не были разработаны.

2. Исследование каменного века Камчатки в 1961–1990-е гг.: продолжалось накопление материалов, применялись естественнонаучные методы для датирования археологических находок, формировались первые периодизации каменного века Камчатки. В разные годы на стоянках Ушки было раскопано более 10 тыс. м², обнаружено около 100 тыс. артефактов. Выявлено

7 этапов заселения территории. Приоритетными направлениями исследований являлись: поиск стоянок, связанных с первоначальным заселением Камчатки и заселением Америки; проблема культурных влияний со стороны южных соседей – айнов; вопросы, связанные с хронологией, периодизацией, выделением критериев неолита полуострова. Была предложена периодизация неолита Камчатки. Значимую роль в этот период сыграли исследования Н. Н. Дикова, Т. М. Диковой, А. К. Пономаренко.

3. Археологические исследования в первой четверти XXI в.: происходит расширение информационной базы, с учётом современных технологий корректируются полученные на втором этапе схемы периодизаций каменного века Камчатки. Для большинства исследований данного периода характерен комплексный подход к изучению археологических объектов с привлечением геологов, геоморфологов, вулканологов, трасологов. Накоплен большой массив данных о сотнях вулканических извержений в голоцене, что позволило предварительно

датировать археологические объекты, интерпретировать события, оказавшие влияние на экосистему полуострова и его население.

Несмотря на относительно большое количество открытых археологических объектов на п-ове Камчатка, степень их изученности неравномерна и крайне низка. Наиболее исследованными остаются пять многослойных ушковских стоянок. Возобновление археологических исследований на стоянках Ушки сначала М. А. Кирьяк (Диковой), а затем экспедицией СВГУ под руководством автора, позволило получить новые материалы как на стоянках Ушки, так и на северо-восточной Камчатке, и предложить скорректированную периодизацию каменного века Камчатки [30].

Анализ изучения каменного века Камчатки позволил наметить перспективные направления исследований в регионе, такие, как реконструкция природных явлений, имевших место в конце плейстоцена – начале голоцена; установление взаимосвязей и характера взаимодействия событий в природе и обществе в процессе освоения полуострова человеком в каменном веке.

1. Антропова В. В. К истории археологического изучения Камчатки // Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1949. Т. XI. С. 380–394.
2. Бергман С. По дикой Камчатке. Петропавловск-Камчатский : Камч. печ. двор, 2000. 165 с.
3. Володарская Е. Е. Возникновение и становление Камчатского областного краеведческого музея (1911–1934) // Краеведческие записки / Камч. обл. краевед. музей. Петропавловск-Камчатский, 2002. Вып. 12. С. 17–33.
4. Гусев С. В., Барышев И. Б., Макаров И. В. Исследования Берингийской экспедиции на Камчатке // Археологические открытия 2009 года. М., 2013. С. 275–276.
5. Диков Н. Н. Древние костры Камчатки и Чукотки (15 тысяч лет истории). Магадан : Кн. изд-во, 1969. 256 с.
6. Он же. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. Азия на стыке с Америкой в древности. М. : Наука, 1977. 391 с.
7. Он же. Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности. М. : Наука, 1979. 352 с.
8. Он же. Предисловие редактора // Дикова Т. М. Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М., 1983. С. 5–6.
9. Дикова (Кирьяк) М. А. Позднеплейстоценовые комплексы стоянки Ушки V: история открытия и перспективы исследований // Северная Пацифика – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена : материалы Междунар. науч. конф. «По следам древних костров...». Магадан, 2005. С. 62–66.
10. Дикова Т. М. Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М. : Наука, 1983. 232 с.
11. Дитмар К. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. Часть первая. Исторический отчет по путевым дневникам. Петропавловск-Камчатский : Новая кн., 2009. 566 с.
12. Днепровский К. А., Кравцов А. Е. К характеристике инвентаря стоянки в устье р. Ковран (по материалам раскопок 1911 г.) // Краеведческие записки... Вып. 12. С. 135–141.
13. Иохельсон В. И. Археологические исследования на Камчатке // Известия Русского географического общества. 1930. Т. 62, вып. 3. С. 199–242.
14. Конь У. С., Понкратова И. Ю. Н. Н. Диков в истории Севера Дальнего Востока России // Материалы LVI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Чита, 2016. С. 20–23.
15. Крамаренко Г. В Камчатку: от Петербурга до Камчатки и в Японию. Путешествие школьника, описанное им самим. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. 194 с.

16. Кренке Н. А. Археологические древности Коврана // Краеведческие записки / Камч. обл. краевед. музей. Петропавловск-Камчатский, 2002. Вып. 12. С. 68–134.
17. Новые данные по стратиграфии Ушковских стоянок в долине р. Камчатка / Н. А. Кренке, Е. В. Леонова, И. В. Мелекесцев, М. М. Певзнер // Российская археология. 2011. № 3. С. 14–24.
18. Кренке Н. А., Певзнер М. М., Чаукин С. Н. Тефрохронологические и археологические исследования в районе п. Ключи, Камчатка (первые результаты) // Материалы XIX региональной научной конференции «Вулканизм и связанные с ним процессы», посвященной Дню вулканолога, 29–30 марта 2016 г. Петропавловск-Камчатский, 2016. С. 104–113.
19. Крупица В. В. Дикова Тамара Митрофановна – ученый, педагог, «железная женщина» // Материалы LVI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Чита, 2016. С. 23–25.
20. Ларичев В. Е., Кирьяк М. А. Древнекаменный век Северной Азии: дальневосточное время (лунно-солнечная календарная система ушковской культуры) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. С. 130–139.
21. Лев Д. Н. Новые археологические памятники Камчатки // Советская этнография. 1935. № 4–5. С. 217–224.
22. Малюкович В. Н. Археологические разведки на Камчатке // Краткие сообщения Института археологии. М., 1979. Вып. 157. С. 57–61.
23. Никаноров А. П. Предварительный список археологических памятников на территории Кроноцкого государственного природного биосферного заповедника и Государственного природного заказника федерального значения «Южно-Камчатский» // Люди великого долга : материалы Междунар. ист. XXVI Крашенинник. чтений. Петропавловск-Камчатский, 2009. С. 157–162.
24. Новограбленов П. Т. Путешествие к вулкану Анаун в Срединном камчатском хребте в 1929 г. // Труды Тихоокеанского комитета АН СССР. 1932. Т. 3. С. 3–11.
25. ГАМО [Государственный архив Магаданской области]. Ф. Р–459. Оп. 1. Н. Н. Диков – ученый, историк, этнограф. Документы личного происхождения, 1929–2006 гг.
26. Орлова Е. П. Ительмены : ист.-этногр. очерк. СПб. : Наука, 1999. 170 с.
27. Понкратова И. Ю. Маргарита Александровна Дикова: к 80-летию со дня рождения : биобиблиогр. указ. Магадан, 2017. 100 с.
28. Она же. Археологические исследования на п-ове Камчатка (XIX – начало XXI в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25. № 2. С. 55–61.
29. Она же. История исследований ушковских стоянок (Усть-Камчатский район, п-ов Камчатка) // Вестник Омского университета. 2018. № 3. С. 110–119.
30. Она же. Каменный век полуострова Камчатка : дис. ... д-ра ист. наук : в 2 т. Магадан, 2022. 495 с.
31. Понкратова И. Ю., Кассиди Дж. «По следам древних костров...» – международная научная конференция, посвященная 80-летию Н. Н. Дикова (29 августа – 8 сентября 2005 г.) // Вестник КРАУНЦ [Камчатской региональной ассоциации «Учебно-научный центр»]. Серия: Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 95–100.
32. Пономаренко А. К. Древняя культура ительменов Восточной Камчатки. М. : Наука, 1985. 216 с.
33. Он же. Рецензия на автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук А. В. Пташинского «Культура охотников на морского зверя Северо-Восточного побережья Охотского моря (I–II тысячелетия н. э.)» // Краеведческие записки... Вып. 12. С. 215–225.
34. Он же. Неолит Камчатки: периодизация и основные особенности эволюции древних культур // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы : коллектив. монография / Ж. В. Андреева, Н. Н. Крадин, А. М. Короткий [и др.]. Владивосток, 2005. Гл. 4 : Эпоха государственных образований. С. 268–291.
35. Он же. Тарьинская культура неолита Камчатки // Тихоокеанская археология. Владивосток, 2014. Вып. 30. С. 7–230.
36. Пташинский А. В. Культура охотников на морского зверя северо-восточного побережья Охотского моря (I–II тысячелетия н. э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 23 с.
37. Он же. Проблема финального палеолита Камчатки и данные тефрохронологии // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск, 2014. Вып. 3. С. 120–128.
38. Рубан В. И. О корреляции древних стоянок западного побережья Камчатского полуострова и долины р. Камчатки // Новейшие данные по археологии Севера Дальнего Востока России : материалы Сев.-Вост. азиат. комплекс. археол. экспедиции / под ред. Н. Н. Дикова. Магадан, 1980. С. 51–55.
39. Руденко С. И. Культура доисторического населения Камчатки // Советская этнография. 1948. № 1. С. 153–179.

40. Семенов А. В. О древней культуре Корякского округа // История и культура народов Северо-Востока СССР. Магадан, 1964. С. 28–40.
41. Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край: естеств.-ист. описание: [в 2 т.]. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1900. Т. 1. 690 с.
42. Шевцов В. С. Фигурки из камня: загадки древних ительменов // Природа. 2015. № 3. С. 69–72.
43. Goebel T., Waters M., Dikova M. The Archaeology of Ushki Lake, Kamchatka, and the Pleistocene Peopling of the Americas // Science. 2003. Vol. 301. P. 501–505.
44. A Preliminary Report on Archaeological Fieldwork in the Kamchatka Region of Russia / E. L. Hulse, D. M. Keeler, E. B. Zubrow [et al.] // Sibirica: International Journal of Siberian Studies. Spring, 2011. Vol. 10. Issue 1. P. 48–74.
45. Nakajama E. Neolithic Remains from Eastern coast of Kamchatka peninsula // Journal Anthropology Society of Tokyo. 1934. October. Vol. XLIX. P. 1–14.
46. Prehistoric human responses to volcanic tephra fall events in the Ust-Kamchatsk region, Kamchatka Peninsula (Kamchatsky Krai, Russian Federation) during the middle to late Holocene (6000–500 cal BP) / I. F. Pendera, H. Harmsen, D. Keeler [et al.] // Quaternary International. 2016. Vol. 394. P. 51–68.
47. Late Glacial to Holocene paleoenvironmental change on the northwestern Pacific seaboard, Kamchatka Peninsula (Russia) / I. F. Pendera, V. Ponomareva, J. Bourgeois [et al.] // Quaternary Science Reviews. 2017. Vol. 157. P. 14–28.
48. Schnell I. Prehistoric finds from the island world of the Far East, now preserved in the Museum of Far Eastern Antiquities, Stockholm // The Museum of Far Eastern Antiquities. Stockholm, 1932. Bul. №. 4. P. 49–65.